

АЛЕКСАНДР РАЗУМОВ

“СЛУЧАЙНОЕ СЕМЕЙСТВО” В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО “ПОДРОСТОК”

Роман “Подросток” – четвёртый из пяти великих романов, созданных Фёдором Михайловичем Достоевским на вершине своего творчества. В этом романе нет глубины нравственных переживаний, которые мы видим в “Преступлении и наказании”, нет яркого положительного образа, как в “Идиоте”, нет бесовства политических заговоров современной писателю России, ещё не слышны в прозе Достоевского карамазовские страсти.

Так чем же примечателен “Подросток” и какую тему в этом произведении следует считать главной?

Исследователи творчества Достоевского в один голос говорят, что это тема случайного семейства. Что именно в случайном семействе, – а именно такое семейство, по их мнению, было у одного из главных героев романа, Андрея Петровича Версилова, – Достоевский видел одну из основных проблем современной ему России.

Но в чём зло подобного семейства?

Чтобы попробовать найти ответ на этот вопрос, давайте внимательно рассмотрим семейство Версилова и сравним его с нравами тех семейств, которые его окружали.

Законная супруга Андрея Петровича умирает достаточно молодой, и совсем ещё не старый вдовец приезжает жить в имение, где встречает свою крепостную Софью Долгорукую. Софья на момент знакомства уже была замужем за старым садовником Макаром Долгоруким, близким другом её покойного отца.

Не забывайте, что действие происходит во времена крепостного права, когда деревенские девки себе лицо сажей мазали, чтобы при случайной встрече не понравиться барину. Гарем из крепостных наложниц был не редкостью в то время, и помещики организовывали даже выселки, где селили незаконнорожденных детей и их матерей.

О подобных нравах можно судить по словам одного из героев повести Ф. М. Достоевского “Записки из подполья”, некоего Зверкова, который говорит, “что ни одной деревенской девы в своей деревне не оставит без внимания, что это – *droit de seigneur* (право владельца. – франц.), а мужиков, если осмелятся протестовать, всех пересечёт и всем им, бородатым канальям, вдвое наложит оброк”.

Винить Версилова в том, что он не занимался воспитанием сына и дочери от законной жены, сложно. Мать этих детей умерла, и в этом случае дети очень часто передавались на воспитание каким-нибудь тётушкам или сёстрам,

а не оставались с отцом-вдовцом. Таковы были обычаи того времени, и заведены эти обычаи были задолго до тех событий, которые описаны в романе.

Главный герой романа Аркадий Долгорукий – незаконный сын Андрея Версилова и Софьи Долгорукой – воспитывается в пансионате у Тушара. Если вы учтёте, что законные дети дворянина Версилова не живут с отцом, то не стоит удивляться, что и сын, которого ему родила его крепостная, воспитывается отдельно. А вот родная сестра Аркадия Лиза постоянно живёт с отцом и с матерью.

Из-за того, что трое детей Андрея Петровича Версилова воспитываются без участия отца, назвать это семейство благополучным никак нельзя. Но подобная ситуация сложилось из-за того, что Андрей Петрович никогда надолго не покидал Софью Долгорукую, а заменить дворянским детям мать бывшая крепостная не могла. Длительная связь между знатным дворянином и простой крестьянкой была большой редкостью, поэтому, на первый взгляд, очень странно, что хаос и разложение именно в этом нетипичном семействе стали объектом пристального внимания Достоевского.

Так почему же исследователи романа так упорно говорят о случайном семействе как о главной идее произведения?

Ответ прост. Дело в том, что о случайном семействе на страницах романа говорит сам автор, говорит словами некоего Николая Семёновича, бывшего московского воспитателя подростка, которому главный герой, Аркадий Долгорукий, передаёт для ознакомления свой дневник. Вот что пишет этот Николай Семёнович в назидание не столько подростку, сколько читателям романа:

“Скажите мне теперь, Аркадий Макарович, что семейство это – явление случайное, и я возрадуюсь духом. Но, напротив, не будет ли справедливее вывод, что уже множество таких, несомненно родовых, семейств русских с неудержимой силою переходят массаами в семейства случайные и сливаются с ними в общем беспорядке и хаосе. Тип этого случайного семейства указываете отчасти и вы в вашей рукописи. Да, Аркадий Макарович, вы – член случайного семейства, в противоположность ещё недавним родовым нашим типам...”

То есть союз родовых дворян с представителями низших сословий, по мнению Достоевского, приобретает массовый характер и приводит к созданию случайных семейств с их беспорядком и хаосом. Отмечу, что, как следует из текста романа, сам Николай Семёнович, который восхваляет старые родовые дворянские семейства, дворянином не является.

Но если почитать, что пишет в конце романа Аркадий Долгорукий о взаимоотношениях, которые установились в семье Версилова, то разобраться, что же такое случайное семейство, очень сложно:

“Мама часто и теперь садится подле него (Версилова. – **А. Р.**) и тихим голосом, с тихой улыбкой, начинает с ним заговаривать иногда о самых отвлечённых вещах: теперь она как-то осмелилась перед ним, но как это случилось – не знаю. Она садится около него и говорит ему, всего чаще шёпотом. Он слушает с улыбкой, гладит ей волосы, целует её руки, и самое полное счастье сияет на лице его”.

Скажите, вы видите беспорядок и хаос в этом семействе? Я – нет.

Я вижу тихое и спокойное семейство, которое после долгих мытарств и переживаний, – а в каком семействе этого не бывает? – обрело покой и любовь. Как говорится, дай Бог каждому дожить до такого “хаоса”!

Аркадий Долгорукий рисует нам одну картину случайного семейства, а Николай Семёнович – совсем другую. И главное, что две эти цитаты приведены из одной главы романа, их разделяет лишь несколько страниц!

Чтобы разобраться с этим противоречием, обратим внимание на некоторые интересные факты, которые происходили вокруг Достоевского и его романа в момент публикации первых глав.

Во-первых, отметим, четыре из пяти великих романов Ф. М. Достоевского – “Преступление и наказание”, “Идиот”, “Бесы” и “Братья Карамазовы” – печатались в “Русском вестнике” у М. Н. Каткова, а “Подросток” – в “Отечественных записках”. Фёдор Михайлович в одном из номеров “Дневника писателя” объясняет это тем, что Н. А. Некрасов сам предложил ему напечатать очередной роман в своём журнале.

Во-вторых, исследователи романа полагают, что согласие Фёдора Михайловича печататься в журнале с либеральной направленностью несколько

охладило его отношение со старыми, хорошими друзьями, в частности, с Ап. Н. Майковым. Подобная трактовка поведения Аполлона Николаевича мне кажется странной, так как Майков прекрасно знал о том бедственном финансовом положении, в котором постоянно находилась семья Достоевского. Знал, что с января 1875 года “Русский вестник” стал печатать “Анну Каренину” Л. Н. Толстого, и понимал, что печатать одновременно “Подростка” М. Н. Катков не мог. Поэтому упрекать Фёдора Михайловича в том, что он выбрал для публикации “Отечественные записки”, у Майкова не было оснований.

Что же такое увидел Аполлон Николаевич в романе “Подросток”, что послужило причиной охлаждения отношений между старыми друзьями?

В-третьих, в том же номере “Отечественных записок”, в котором появились первые главы “Подростка”, вышла статья либерального критика Н. К. Михайловского “Литературные и журнальные заметки”, где автор писал, что на страницах журнала могут быть опубликованы лишь те работы, которые не расходятся с идейной позицией журнала. То есть Н. К. Михайловский, который мог ознакомиться только с самым началом “Подростка”, уверенно делает вывод о либеральной направленности всего произведения. А ведь роман на тот момент был далёк от завершения, и, как видно из черновиков, писателю ещё предстояли трудные поиски сюжета и образов главных героев.

Что же сразу увидел Н. К. Михайловский в романе, что дало ему возможность сказать о либеральном его направлении?

Сформулируем ещё два вопроса, которые просматриваются при внимательном прочтении писем Достоевского к жене за период, когда создавался роман.

В отрывке из письма от 7 февраля 1875 года писатель жалуется на произвол чиновников при оформлении паспорта (именно в это время печатались первые главы “Подростка”):

“Пришёл наконец паспортист: “У вас-де дан вам билет на жительство; но он временный, а по закону вы должны были давно обменять его на постоянный паспорт”. Конечно дело; но я стал спорить. Помощник пристава (с Владимиром в петлице) начал спорить тоже: “Не дадим вам паспорт, да и только; мы должны соблюдать законы. — Да что же мне делать? — Дайте постоянный вид. — Да где я его теперь возьму? — Это не наше дело”. — Ну, и в этом роде. Но дурь, однако же, в этом народе. Это всё только, чтоб перед “писателем” шику задать. Я и говорю наконец: “В Петербурге 20000 беспаспортных, а вы всем известного человека, как бродягу, задерживаете. — Это мы знаем-с, слишком знаем-с, что вы всей России известный человек, но нам закон. Впрочем, зачем вам беспокоиться? Мы вам завтра или послезавтра вместо вашего паспорта выдадим свидетельство, так не всё ли вам равно. — Э чёрт, так зачем же вы давно не говорили, а спорили!”

Как видим, долго спорили, а всё-таки паспорт изъяли, и новый выдать не обещали.

В ответ на это письмо Анна Григорьевна Достоевская пишет мужу 10 февраля 1875 года:

“Ну, что за глупая история с твоим паспортом: жили по нём лет пятнадцать, и вдруг нельзя”.

Если вы думаете, что подобная волокита была нормой того времени, тем более в отношении известного человека, то вы ошибаетесь. Подобное отношение могло быть только в том случае, если за спиной этих чиновников стоял кто-то очень сильный. А одним из таких сильных было III Охранное отделение.

Что заставило III Отделение продемонстрировать писателю своё неудовольствие и изъять паспорт?

Для формулировки ещё одного вопроса заглянем в письмо Достоевского от 7 июля 1875 года. Вот что он пишет Анне Григорьевне:

“Сейчас ходил на почту и получил от тебя письмо, одну крошечную страничку и удивился: письмо помечено тобой от 31 мая (суббота); а штампель на конверте Старорусского почтамта от 3-го июня! Неужели 4 дня лежало на почте?.. Уж не читает ли кто наших писем!”

Как сказано в комментарии к полному собранию сочинений писателя к этим словам письма:

“Задержка писем Достоевского была вызвана перлюстрацией их старорусским исправником Э. М. Готским-Даниловичем, которому поручили вести негласный надзор за Достоевским”.

Ранее Фёдор Михайлович Достоевский на задержку корреспонденции не жаловался.

Что заставило III Отделение, после того, как были опубликованы первые главы “Подростка”, дать распоряжение вскрывать переписку писателя?

Надо отметить: то, что было видно в первых главах романа Майкову, Михайловскому и III Отделению, было видно и широкой читающей публике. О том, как принимали первые главы “Подростка”, лучше всего говорит отрывок из письма Н. Н. Страхова Ф. М. Достоевскому от 21 марта 1875 года:

“Но тема у Вас взята великолепная, и все ждут чудес от её развития, по крайней мере, я жду, публика же несомненно покорена, то есть будет уже следить за Вами с жадностью”.

Но... уже к июню интерес к роману резко падает. Вот что пишет Фёдор Михайлович жене из Эмса 13 июня 1875 года:

“От меня, однако, решительно все отвернулись в литературе... Впрочем, вижу, что роман пропал: его погребут со всеми почестями под всеобщим презрением”.

Что же было такое интересное в первых главах и почему произошло резкое падение интереса к роману?

Со второй половины шестидесятых годов девятнадцатого века всё в семье русского императора шло наперекосяк. И кошмар этот начался с того, что среди воспитанниц Смольного института царь увидел прелестную девушку. Государь зачистил в Смольный институт. Позднее, когда эта девушка вышла из стен учебного заведения, император во время прогулки по Летнему саду случайно встретил её, и они долго проговорили. Фактически, с этой встречи свидания между ними стали регулярными. Всё в судьбе императора стало подчиняться не государственным интересам, а тем законам, которые стары, как мир.

Звали эту девушку княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. С 1866 года она стала любовницей царя.

В госархиве хранится множество писем и записочек, которые влюблённые писали друг другу. Государственные дела были фактически заброшены. Начатые в начале 60-х годов реформы, не получая развития, приостановились. Страна всё больше и больше погружалась в хаос. А государь-император основное внимание уделял любовнице.

Связь Александра II с этой женщиной длилась долгие 14 лет. И всё это время связь была на глазах императрицы и законных детей государя. Но все 14 лет за пределами дворца узнать что-либо об этой истории можно было только по слухам.

29 апреля (11 мая) 1872 года у влюблённых родился сын, и эта новость стала главной не только в светских салонах северной столицы, но и Москвы, и других городов России. Но говорили об этом полупрошепотом, опасаясь ушей III Отделения, ибо сплетничать о личной жизни государя было небезопасно.

А то, что знает высший свет, то знает и весь Петербург.

Ребёнок, родившийся у женщины с фамилией Долгорукая, должен был носить фамилию Долгорукий. Но вот князем он быть не мог. Княжеский титул передаётся только по отцовской линии и в законном браке.

Вспомните высказывание в романе “Подросток” незаконнорожденного героя Аркадия Долгорукого о ненависти к своей фамилии:

“Вставлю здесь, чтобы раз навсегда отвязаться: редко кто мог столько вылиться на свою фамилию, как я, в продолжение всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то раз, как я вступал куда-либо в школу или встречался с лицами, которым, по возрасту моему был обязан отчётом, одним словом, каждый-то учителишка, гувернёр, инспектор, поп – все, кто угодно, спрося мою фамилию и услышав, что я Долгорукий, непременно находили для чего-то нужным прибавить:

– Князь Долгорукий?

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

– Нет, просто Долгорукий...

...Ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем. Эту глупость я таскаю на себе без вины”.

Надеюсь, вам теперь понятны те чувства, которые испытывали читатели “Подростка”, знавшие по слухам, что происходит во дворце, и столкнувшиеся

с подобным текстом в самом начале повествования? Именно этим объясняется повышенное внимание публики в начале публикации “Подростка”.

Но читающая публика всегда хочет большего. Поэтому после подобного начала, когда незаконнорожденный ребёнок по фамилии Долгорукий появился на первых страницах романа, все ждали, что дальше будет “погорячее”. А “погорячее” писать Достоевский не мог, так как, во-первых, понимал, что играет с огнём, и, во-вторых, весь Петербург знал о любовной связи царя, но о том, как складываются отношения между государем и императрицей, между государем и его законными детьми, не знал никто. Возможны были важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры, во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Пытаясь передать атмосферу разложения и хаоса в царском семействе через разложение и хаос в семействе Версилова, писатель должен был оставаться в пределах определённых рамок, и это тут же отразилось на читательском интересе к “Подростку”: интерес к роману упал.

Важно отметить, что разница в происхождении между императором и княжной такая же, как между родовым дворянином и крепостной. Брак в этих двух случаях считается морганатическим, так как супруг (или супруга) более низкого положения не получает в результате этого брака такого же высокого социального положения. Именно поэтому в “Подростке” у Версилова такая нетипичная семья.

Роман не мог быть опубликован в “Русском вестнике” у М. Н. Каткова потому, что монархические взгляды Михаила Никифоровича были широко известны, и современники даже шутили, что в России два императора: один – действующий, другой – Катков. Михаил Никифорович не пропустил бы незаконнорожденного героя романа с фамилией Долгорукий на страницы своего журнала.

Прямой намёк Достоевского на те события, которые происходят в царском дворце, стал причиной охлаждения и во взаимоотношениях между Достоевским и Майковым. Аполлон Николаевич, который, как и Катков, тоже придерживался монархических взглядов, должен был считать, что царь имеет право на любые действия, даже если эти действия не нравятся его подданным.

Относительно идеи романа в черновых тетрадях писателя сохранилась следующая запись:

“Вся идея романа – это провести, что теперь беспорядок всеобщий, беспорядок везде и всюду, в обществе, в делах его, в руководящих идеях (которых по тому самому нет), в убеждениях (которых потому же нет), в разложении семейного начала”.

Вот то главное, что, судя по черновикам, хотел описать Достоевский в этом романе. Но рыба тухнет с головы, и проблему разложения и хаоса в России Фёдор Михайлович видел в разложении и хаосе царской семьи. Но сказать об этом прямо было нельзя, поэтому надо было создать атмосферу хаоса и в семье Версилова, и в событиях романа, а на царскую семью только намекнуть.

Роман публиковался в “Отечественных записках”, так как трудно представить более сенсационный материал для этого либерального журнала. И именно эту сенсационность сразу увидел Михайловский и поспешил записать Достоевского в демократический лагерь.

Эту же волюнтерность Достоевского сразу отметили в III Отделении и аккуратно намекнули об этом писателю в истории с паспортом. Одновременно с этим, по-видимому, было дано распоряжение в Старую Руссу вскрывать и читать переписку писателя.

Таковы, на мой взгляд, ответы на ранее сформулированные в этой статье вопросы.

Одно неверное слово, одно случайное сходство – и под каким-нибудь надуманным предлогом можно было оказаться со всей семьёй в отдалённой губернии России. Чтобы обезопасить себя, Достоевский ввёл термин “случайное семейство”, потому что, называя связь императора с княжной Долгорукой случайным семейством, Фёдор Михайлович заручался поддержкой обманутой жены Александра II императрицы Марии Александровны и наследника-цесаревича Александра Александровича.

Поэтому не случайно, что в предсмертном завещании уже следующего царя, Александра III, своему сыну, цесаревичу Николаю II, в октябре 1894 года

последние слова звучат так: "...Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства". Как видите, взгляд Александра III полностью совпадал с идеей романа "Подросток". Думаю, не последнюю роль в формировании этого взгляда государя-императора сыграл роман Достоевского.

Но в 1876 году гнев Александра II мог пересилить любое заступничество, поэтому и после окончания романа Достоевский в "Дневниках писателя" вновь и вновь возвращается к теме случайного семейства и, рассуждая о тех проблемах, которые он видит в воспитании нового поколения, уводит эту тему дальше от царской семьи. Ведь объяснять через полтора года в "Дневнике писателя", о чём был роман "Подросток", это всё равно, что пытаться догнать ушедший поезд. А вот ослабить неудовольствие императора можно, да и сама тема интересная.

Поэтому, на мой взгляд, некорректно брать записи из "Дневника писателя" для раскрытия идеи романа. Идею надо искать в тексте романа и, главное, в реальных событиях тех дней.

Достоевский был в курсе реальных событий тех дней, так как он имел обширные связи со значимыми людьми того времени. Примером могут служить основанные на взаимном уважении отношения с известным царедворцем Константином Петровичем Победоносцевым. Если же считать, что выбор фамилии главного героя был сделан случайно, то Достоевский с его романом в глазах светской и осведомлённой публики должен был выглядеть посмешищем, ведь подобных бестактных проколов свет не прощает. Но нет никаких данных, свидетельствующих об этом.

Не ищите в черновиках и переписке писателя каких-либо намёков на царскую семью. Фёдор Михайлович в молодости проходил по делу петрашевцев и был приговорён к смертной казни, которая в последний момент была заменена каторжной тюрьмой, поэтому ни в черновиках, ни в переписке он никаких улик оставить не мог.

Нет никакого случайного семейства у Версилова, а есть обычная семья, есть женщина, к которой он привязывается всё сильнее и сильнее, есть дети, которых любит и воспитывает этот человек. И как в любой семье, есть проблемы, которые по ходу романа решаются. Главное, что на последних страницах романа мы видим героев, живущих в мире и согласии. Чем же оказалось плохо такое "случайное семейство"?

А вот где семейства действительно нет, так это в Зимнем дворце. Там семейство разрушено самим императором, отцом не только этого семейства, но и отцом народа. И то семейство, которое создал государь на страданиях своей жены и на глазах своих детей, то семейство, из-за которого Россия всё больше погружается в хаос, это, по мнению Достоевского, случайное семейство!

Но Фёдор Михайлович учить императора не мог.

Императоров учат их отцы, то есть Александра II мог учить только Николай I, который, по традиции российских императоров и царствующих императриц, кроме всего прочего, являлся шефом лейб-гвардии Семёновского полка. И об этой традиции все в России в то время прекрасно знали. Поэтому осуждающие слова о случайном семействе в конце повествования мы слышим от некоего не дворянина Николая Семёновича. Эти слова и подводят черту под романом.

Вот так, на мой взгляд, обстоит дело со случайным семейством в романе Достоевского "Подросток".

О том, как тяжела была выбранная Достоевским ноша, говорят два абзаца из самого конца произведения:

"Признаюсь, не желал бы я быть романистом героя из случайного семейства!"

Работа неблагодарная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, ещё дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться".

Именно тоска по самому злободневному для России текущему и является скрытой пружиной "Подростка".

Поэтому в этом романе мы имеем дело с самой мощной публицистической статьёй Фёдора Михайловича Достоевского. Но опубликована она была не в "Дневнике писателя", а спрятана в сюжете "Подростка".

Но тому, кому надо было понять смысл этой публицистической статьи, тот её прекрасно понял. Об этом говорит резко возросшая популярность Достоевского после окончания романа. Публика прекрасно поняла, кто такой Николай Семёнович, и буквально несколько слов Николая Семёновича спасли роман.

Достоевский был единственным человеком на всю Россию, который гласно осудил царя в отечественном периодическом издании, и подобный шаг требовал беспримерного мужества.

В публицистическом по своему звучанию эпилоге во всеуслышание заявить, что распад монаршей семьи – это одна из главных причин того беспорядка и хаоса, в котором находится Россия, такое написать мог только человек, страстно любящий своё отечество.

А ведь этот человек однажды уже искал лучших путей для развития России, и поэтому уже выслушивал смертный приговор, стоя у расстрельного столба на Семёновском плацу. Этот человек четыре года провёл в омской каторжной тюрьме, а после этого отслужил рядовым линейного батальона в далёком Семипалатинске.

Вот она – гражданская позиция писателя!

В одних романах Достоевский предстаёт тонким психологом, в других – религиозным философом, в третьих – политическим пророком.

В “Подростке” Фёдор Михайлович Достоевский проявил себя как мужественный человек и гражданин.